

Николай Ярыгин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Я79

Серия «Попаданец»
Выпуск 62

Оформление обложки *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Я79 Ярыгин, Николай Михайлович

Честь имею: роман / Николай Ярыгин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 384 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-114333-6

Он выжил в Афганистане, пережил развал Союза, даже в девяностые и в последовавшем за ними диком капитализме остался человеком. Может, поэтому судьба и предоставила ему второй шанс — в мир, где развитие и эволюция общества замерли на многие сотни лет, принести что-то такое, что наконец заставит его сдвинуться с мертвой точки. Здесь все по-другому, но любовь, дружба, благородство, как и зависть, предательство и подлость, такие же, как и в том мире, где он родился. А фраза «Богу душу, сердце женщине, а честь никому» там так же актуальна, как и в нашем мире.

А честь всегда при нем, Алексе тан эль Зорга. Честь — критерий, рядом с которым даже жизнь отступает на второй план. И пусть он входит в высший круг аристократов этого мира, ему без разницы, король ты или простой серв, женщина, мужчина или ребенок: если ты в беде, он всегда протянет тебе руку помощи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-114333-6

© Николай Ярыгин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В последнее время нога стала подводить меня все чаще. Ходить становится тяжело, даже с палочкой. А при перемене погоды выкручивает так, что места себе найти не могу. В тот день колонна возвращалась с зачистки и была обстреляна издалека. Было буквально несколько выстрелов из автомата и один из гранатомета.

И вот эта граната разорвалась рядом со мной и сильно посекала мне правую ногу. И ведь надо же, почти четыре года за речкой — и ни одной царапины, а тут такое. Мне ее вообще поначалу ампутировать хотели, и только благодаря Борису Евгеньевичу Слизкому, который восемь часов собирал и шил ее, нога осталась при мне.

Что ни говори, а годы берут свое. Даже тогда, в семьдесят пятом, сразу после госпиталя, и то легче было. Хоть и понимал, что карьера военного накрылась медным тазом и все мои планы рассыпались прахом, но истерики по этому поводу не было. Лишь в самом начале, когда речь шла об ампутации ноги, очень переживал и не спал ночами. Правда, когда врачи сказали, что все-таки попытаются сохранить ногу, немного успокоился.

За те несколько месяцев, проведенных по госпиталям, как-то свыкся с этой мыслью, что придется все начинать с чистого листа, гражданским человеком. Да и в двадцать шесть лет жизнь все равно видится в светлых тонах, даже в такой ситуации. В общем, мне по любому полагался отпуск после ранения, решил съездить домой к родителям — как-никак, почти пять лет дома не был.

Встречали меня почти всем поселком. На станцию, в район, сам председатель поселкового совета на личном

москвиче за мной приехал. Он долго обнимал меня и хлопал по спине и плечам.

— Сашка, какой же ты молодец, герой ты наш! Садись, садись, поехали! — кричал он на весь перрон так, что все, кто там находился, смотрели на нас с любопытством. Он выхватил у меня чемодан и вещмешок и засеменил чуть впереди, постоянно оглядываясь. — Там все наши собрались, тебя ждут... вон, еле отбилась от матери с отцом, когда сюда ехал. Но уговорил, что так лучше будет, когда сам тебя привезу.

— погоди, Иван Семеныч! — оторопел я. — Кто ждет, где?

Но Семеныч только довольно улыбался.

— Всё, Саша, узнаешь, погоду чуть!

Наконец загрузились, и уже в дороге Иван Семеныч рассказал, что два дня назад позвонили с облвоенкомата и просили передать моим родителям, чтобы они меня встретили, а также то, когда и каким транспортом я прибуду.

— А я и подумал, так мы тоже хотим тебя встретить... Ты ведь наш Александр Николаевич, тут родился, учился... Что ж мы, в стороне останемся? Не каждый день, чай, к нам такие герои приезжают.

— Да брось ты, Иван Семеныч, какой я герой! Служил, как все, — смутился я.

— Э, Саша, не скажи... Не просто служил, а воевал в Афганистане. Вон, орденов полна грудь... Да и капитан в двадцать шесть лет — это тоже что-то значит.

А по приезде началось... Слезы матери... Батя, конечно, крепился, но глаза его тоже подозрительно блестили. Растянулась эта встреча часа на два. Мне даже речь пришлось толкнуть и рассказать, как оно там, в Афгане. Ну а дома — стол, накрытый во дворе, тетки, дядья, соседи... Короче, только далеко за полночь закончился этот сумасшедший день. А потом еще неделя всевозможных встреч и походов по гостям. И ведь если не пойдешь — обида кровная. Еле выдержал.

— Что делать думаешь, сынок? — как-то спросил отец.

— Да я, батя, как-то еще и не определился... Мне через две недели на комиссию. Вот после нее и посмотрим, — ответил я, хотя сам прекрасно понимал, что надеяться не на что. — Может, пойду слесарем на ремонтно-механический, — продолжил я.

Отец помолчал, нахмурившись.

— Нет, сын, так дело не пойдет. Не подумай, что слесарь это плохо или недостойно... я вон всю жизнь в забое, сам простой работяга. Просто неправильно это: ты что, зря шесть лет учился? Может, пойдешь вон с Дашкой вместе в институт? Молодой ведь еще.

Дашка — это моя двоюродная сестра, младше меня на восемь лет.

После двух недель криков, споров, обсуждений я решил подать документы в машиностроительный институт на заочное отделение. А тут после медкомиссии где приговор был один: не годен к строевой... В облвоенкомате предложили работу в одном из отделов, зарплата небольшая, да ведь и небольшая пенсия у меня есть — вот уже и не буду на шее у родителей сидеть.

Вот так и покатилась жизнь: институт, работа, женитьба, завод. Неустроенные девяностые, улучшение в двухтысячных. Должность главного инженера ремонтно-механического завода, затем должность директора этого же завода.

Жизнь потихоньку налаживалась. Правда, жена моя умерла рано, оставив на меня сына Алешку четырнадцати лет и десятилетнюю дочь Наташку. Веселая, непоседливая хохотушка, просто не проснулась однажды утром: тромб оторвался, сказали врачи. Больше я так и не женился. Вначале надо было поднимать детей, и никак нельзя было их упустить в той вакханалии беспредела и вседозволенности, что творилась вокруг. А потом — как-то даже и не знаю. Нет, женщины у меня были, но не сложилось ни с кем.

Дети выросли, выучились, женились, вышли замуж и разъехались. Наташка живет в Ростове, родила мне внучку, Алексей в Питере — у него два парня. Вот

и остался я один, вроде бы и не совсем старый в свои пятьдесят девять, вот только нога совсем плохо держит. Я сегодня даже хотел отменить вечернюю прогулку. Но потом пересилил себя и вот теперь хромаю, переходя проезжую часть по пешеходному переходу, опираясь на палочку.

Посижу немного в сквере, да и вернусь домой. А там снова телевизор, сон, утренняя зарядка, кофе — всё как и всегда последние несколько лет. Наверное, все-таки соглашусь с сыном, продам тут квартиру, гараж и перееду к морю. Деньги есть, куплю себе домик у моря, смотришь внуков ко мне возить чаще будут. Все-таки юг, море, все детки здоровей будут, да и мне не скучно.

Из задумчивости меня вывел рев двигателя и вой клаксона вылетевшей из-за поворота машины. Идущая впереди меня женщина с маленьким ребенком замешкалась, и я увидел, что она просто не успевает увернуться от летящего на них автомобиля. Прыгнул вперед, выталкивая ее и малышку на тротуар, и тут моя нога подломилась. Последнее, что помню — распахнутые в ужасе глаза дамочки, визг тормозов, удар, а затем наступили боль и темнота.

Глава первая

В себя пришел резко: раз, и я уже ощущаю себя и вспоминаю все, что произошло, до мельчайшей детали. Ужасно болела голова, левый глаз не открывался. Подняв руку, осторожно ощупал голову. Выше лба, с левой стороны, была довольно серьезная рана. Кровь уже начала подсыхать, и я определил, что лежу уже более часа. Вокруг сгущались сумерки.

Все это было довольно странно. Все-таки областной город, ДТП — и никого вокруг. Попытался приподняться, но от движения голова закружилась и затошнило. «Наверное, сотрясение», — мелькнула мысль. Сколько лежал, не знаю, вокруг уже совсем стемнело, и за это время я не услышал ни одного звука. Нет звуки были, пару раз вскрикнула какая-то птица, в траве трещали сверчки, но того шума, который создает большой город, не было. Кстати о траве... Ведь все на асфальте произошло, а до травы, которая находилась в сквере, было метров двести. Думать было трудно: мысли расплзались, не успев сформироваться. Очередная попытка приподняться привела к тому, что я снова провалился в темноту.

Второй раз пришел в себя оттого, что кто-то облизывал мне лицо, я дернулся от неожиданности и открыл глаза, вернее, один глаз. Было совсем светло, по всей вероятности, раннее утро, так как на траве еще была роса и одежда на мне тоже была влажной.

Осторожно повернул голову влево, опасаясь, что снова затошнит или потеряю сознание. Но ничего такого не произошло, увидел я и того, кто лизал мне лицо — это была маленькая собачонка какой-то непо-

нятной окраски. Я даже дернулся непроизвольно, от неожиданности.

— Вилкул, да он живой, вон шевелится! — услышал я чей-то голос. — Да уйди ж ты, шероно отродье!

И чья-то нога, обутая в разбитый башмак, оттолкнула от меня псину. Глянув вверх единственным глазом, я увидел личность, одетую в холщовые штаны и такую же рубаху навыпуск, подпоясанную простой веревкой.

— Вилкул, — снова заорала личность, — давай сюда повозку! Как же мы тебя грузить-то будем, вон ты какой здоровый-то, боюсь, не справимся!

Вилкулом оказался пацаненок лет десяти, в таких же штанах и рубахе, только кое-где заштопанной, и, даже штаны у него были с заплаткой на коленке.

Кое-как с помощью мужика и его сына я встал и осторожно ступая, добрел до обыкновенной телеги с запряженной в нее небольшой лохматой лошастью. Вцепившись в борт и переведа дух, огляделся вокруг, стараясь сообразить, где я в конце концов нахожусь. Шагах в семи лежала лошадь, по всей вероятности, мертвая, недалеко находились лес и заросшая грунтово-вая дорога.

— Господин, вы бы сажались на повозку, жаль, ни сена, ни соломы нет — мы за дровами ехали, потому и повозка пустая, — тархтел мужик рядом. — Счас мы ваши вещи соберем и отвезем вас в село к знахарке. Ой, и сильно вас, видать, приложило, вон дырища в голове какая!

Говоря это, мужик сноровисто снял с лежащего коня седло, уздечку и пару сумок, притороченных к седлу. Положил все это в повозку, и мы медленно двинулись.

Телегу подкидывало на каждой кочке, хоть и двигались мы шагом, но муки эта тряска доставляла мне ужасные. А самое главное — это было не мое тело. Мысли мои, память моя, а вот тело не мое. Молодая гладкая кожа рук, хоть на ладонях и присутствовали мозоли, но все равно это руки молодого человека.

Даже сейчас, находясь в каком-то заторможенном состоянии, я все-таки осознавал, что у меня или просто посттравматический бред, или что-то произошло, чему я пока не мог найти объяснения. Одет я был в нечто напоминающее камзол, штаны из мягкой тонкой кожи черного цвета, заправленные в сапоги, поднимающиеся на пару ладоней выше колена.

Я полулежал в повозке, опираясь спиной на седло, и морщился от тряски. Мужик что-то говорил, я сосредоточился и понял, что он, видя мои мучения, пытается меня успокоить, говоря, что осталось совсем немного потерпеть. Еще каких-то полчаса моих мучений, и мы остановились у маленького аккуратного домика.

Пацаненок кинулся к двери.

— Бабушка Ингри, бабушка Ингри! Вы дома, бабушка?

— Ты чего тут раскричался? Чай, я не глухая! — сказала появившаяся в дверях пухленькая, опрятная старушка в юбке синего сукна и белой, вышитой по вороту рубахе с короткими рукавами.

— Вон, бабушка Ингри, привезли. Мы едем, а он лежит и в кровиче весь, а Шумка давай его лизать, а он дернулся, а мы думали он мертвый! — скороговоркой затарахтел пацан.

— Да тише ты, не части! Здравствуй, Петро, и вы, молодой господин, здравствуйте, — сказала, подходя, старушка. — И что же это произошло? — продолжила она, осматривая тем временем мою голову. — Так, так, так, а ну давай-ка его сюда, на лавку, посадим — и голову печь не будет, и видно все хорошо. Вилкул, а ну сбегай воды принеси! А ты, Петро, очаг раздуй... Надо воду подогреть.

Раздала старушка команды, а сама скрылась в доме.

— А ну, господин, выпей это, — сказала она, появившись через некоторое время, и протянула мне кружку с какой-то жидкостью, которую налила из принесенной фляжки, сделанной, по всей вероятности, из тыквы.

— Пей, пей, не бойся... Оно, конечно, не очень-то и вкусно, но тебе это надо.

Я взял кружку. Даже вид находящегося в ней содержимого говорил, что это гадость. Собравшись с духом, я поднес кружку ко рту и одним махом опрокинул в себя то, что в ней находилось, стараясь при этом не дышать. На вкус это было даже хуже, чем на вид. Кое-как сдержав рвотные позывы, я стал дышать носом, боясь открыть рот, чтобы эта гадость не выскочила обратно. Старушка ласково улыбнулась.

— Выпил? Вот и хорошо, а сейчас мы раной займемся. Петро, а ну возьми в сенях на полочке глиняную бутылочку и носи сюда.

Получив бутылочку, бабуля смочила тряпицу, полив на нее из глиняной бутылки, и принялась этой тряпичей осторожно вытирать рану и вокруг нее.

После первых же прикосновений к ране мне показалось, что она вроде бы как занемела, и боль стала отступать. И вообще самочувствие стало улучшаться.

— Ну, вот и очистили ранку-то, а сейчас потерпеть надо: я ее зашью. Не волнуйтесь, я быстро, — приговаривала знахарка, что-то делая с моей головой.

— Ну, вот и все, — опуская руки, продолжала она. — Петро, а ну давай воду, теперь умыться надо, а то молодой господин весь в крови.

Петро приволок кувшин с теплой водой, и старуха стала смывать грязь и кровь с моего лица.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — повторяла она, ловко вытирая меня. — А ну, господин, глазик открой! Вот, а то крови натекло, она и присохла, так что и глаз слипся и не открывался.

И точно, мой левый глаз открылся, и я мог теперь смотреть на все происходящее вокруг двумя глазами.

— Ну все, Петро, вези господина домой, да уложи его, ему лежать надо. А я завтра наведаюсь, посмотрю, что да как. И пусть Арна зайдет к вечеру, я зелье приготавливаю да обскажу, как его давать ему пить.

Петро с Вилкулом опять поволокли меня к повозке. Правда, состояние мое к этому времени значительно улучшилось, и я изо всех сил пытался помочь им, стараясь резво переставлять ноги. Правда, ноги меня почему-то слушались плохо и все время норовили зацепиться одна за другую.

Селение было небольшим и, как мне показалось, небогатым. Такие же небольшие домики, как и у знахарки, были и чуть побольше и получше, но таких были совсем единицы. Правда, село утопало в зелени и цветении садов. По всей вероятности, была весна, хотя в тот момент, когда меня сбила машина, у нас был август. Странностей становилось все больше, и их надо было спокойно обдумать и проанализировать.

По приезде на место — как я понял, это и было подворье Петры — мне предложили на выбор: лечь в доме или на сеновале под навесом. Благо на улице поздняя весна или раннее лето и тепло. Я подумал, что на свежем воздухе мне будет лучше, да и не хотелось стеснять хозяев, поэтому решительно показал на сеновал. Правда, сена еще не было, а была солома, на которую бросили какую-то ряднину и тонкую дерюжку, заменяющую одеяло.

Что интересно, за все время нахождения рядом с этими людьми я умудрился не произнести ни слова. Чувствовал, что говорят не по-русски, хотя и все понимал. Но пока меня конкретно ни о чем не спрашивали, я молчал, решив попробовать говорить позже, когда останусь один. Забравшись на сеновал по небольшой приставной лестнице, я с удовольствием вытянулся на импровизированной постели. Не успел улечься, как появился Вилкул и положил рядом со мной сумки, снятые с коня.

— Господин, снимай камзол и рубашку. Арна постирает. А ты вот пока надень, она чистая.

И он протянул мне такую же рубаху, как была на Петре. Я снял камзол и стащил рубашку из какого-то материала, похожего на хлопок. Правда, та одежда,

что предложил Вилкул, на меня никак не хотела належать, и я махнул рукой: подумал, что лето, не замерзну. В конце концов, мне побыстрее хотелось остаться одному, чтобы обдумать все что со мной произошло. Но из задуманного так ничего и не вышло — едва я остался один, как меня сморил сон.

Проснулся, когда звезды начали гаснуть, предвещая скорый восход, над землей тянулась дымка тумана, а на траве обильно лежала роса. Это что, получается, я проспал почти сутки? В загородке для скота слышались шевеление и тихий голос. Через некоторое время оттуда появилась молодая девушка, даже девочка, неся перед собой жбан — наверное, с молоком. Увидев, что я смотрю на нее, она ойкнула, засмуцавшись, и быстро засемила в дом.

Я усмехнулся и, улегшись поудобней, предался размышлениям, что все-таки со мной произошло и где я нахожусь. Промучившись с полчаса и так ничего и не решив, я обратил внимание на сумки, лежащие рядом со мной. Подтянув их поближе, решил проверить, что же там находится — может, хоть что-то прольет свет и даст больше информации. Развязав завязки на одной, заглянул внутрь, обнаружил два небольших котелка, вложенных один в другой, деревянную ложку, лепешку, завернутую в чистую тряпицу, и кусок сыра.

В холщовой мешочке была какая-то крупа и, по всей вероятности, полоски мяса, засушенные до состояния деревяшки. «Походный набор», — подумал я, укладывая все на место и завязывая сумку как было, и взял в руки следующую.

А вот тут уже были более интересные находки: Сверху лежала такая же рубашка, как и та, что я отдал стирать, которую я тут же натянул на себя. В кожаном мешочке находились монеты разного цвета и размера. Я их тщательно пересчитал, чтобы запомнить. Желтых кругляшей (вероятно, золотых монет) было четырнадцать штук, серебряных монет — а серебро я уж точно знаю — было сорок девять штук, медных монет — сто

три штуки. Аккуратно ссыпав их обратно, я завязал мешочек.

Определить, бедный я или богатый, я пока не мог, так как номинальной стоимости монет не знал. Там же находился небольшой ларец, в котором лежали две красочно оформленные грамоты, с печатями в виде оскаленной морды какого-то зверя из семейства кошачьих, и заполненные неизвестной мне письменностью.

Покрутив грамоты в руках, я бережно уложил их обратно в ларец. Надо будет найти того, кто сможет их прочитать, а лучше выучить грамоту и прочитать их самому, мало ли что в них написано. Еще в сумке были два широких браслета с красивой резьбой и гравировкой — тоже, видно, золотых. Один был более массивный, второй поменьше, и я бы сказал, что более изящный. В самом низу лежал большой и тяжелый сверток. Когда я его развернул, это оказалась тонкая кольчуга. На этом находки закончились.

Не успел я сложить содержимое сумки обратно, как лестница заскрипела и показалась голова Вилкула.

— Господин уже проснулся? — это было больше утверждение, чем вопрос.

— Как видишь, — ответил я.

Интересно отметить, что это были первые слова произнесенные мной. У меня у нового был приятный баритон, но слова я произносил с небольшим акцентом, как-то более мягко, при этом немного их искажая.

Дети всегда более непосредственные и меньше подвержены чинопочитанию. Поэтому Вилкул тут же сбился с официального тона и зачистил, захлебываясь словами:

— Я тебе сейчас зелье принесу, бабушка Ирма дала, тебе его пить надо, а Арна тебя покормит. А я тоже хотел спать на сеновале, а меня не пустили. А еще...

Договорить он не успел.

— Вилкул, ты куда снова пропал? — раздался звонкий девичий голосок.